

Он мог лить слёзы, когда хотел, обманывая толпу, но в моменты подлинной боли сдерживал их, позволяя собираться в озёра и моря, не используя для вызова жалости.

— Раз уж ты так сказал... — Сяо Цичэнь поднял голову, вновь облачившись в маску благородной сдержанности, и шутливо добавил:

— А вдруг родится принцесса?

Су Янь слегка улыбнулся в ответ, потрепал его за нос. Он делал это часто, но лишь сейчас почувствовал, насколько это стало интимно. Охваченный этим ощущением, он отдернул руку, но продолжил мягко:

— Я уже говорил тебе тогда: если в итоге ты станешь просто богатым и беззаботным князем, я отправлюсь в твои владения и стану твоим подданным.

— Не хочешь больше своего титула и военной власти?

— Нет, — без колебаний ответил Су Янь.

— А... свою супругу тоже не хочешь? — продолжил Сяо Цичэнь.

Су Янь запнулся, не успев ответить, как Сяо Цичэнь вдруг расплылся в улыбке, щёлкнул его по щеке и небрежно бросил:

— Я пошутил, а ты так серьёзно.

Кожа, которую он задел, слегка болела, но больше ощущался зуд. Су Янь прикрыл это место, испытывая необъяснимую неловкость.

В тот день, покидая Тайчэн, Су Янь смутно почувствовал, что Сяо Цичэнь что-то скрывает. Тот не хотел говорить, и Су Янь не стал настаивать, лишь осторожно обходил опасные темы.

Когда его силуэт растворился за воротами Сиэмэнь, Сяо Цичэнь развернулся и пошёл обратно. Люй-и, стоявшая рядом, с беспокойством спросила:

— Ваше Высочество, вы действительно не собираетесь ничего говорить? Видеть, как юный маркиз страдает, а не видеть — тосковать. Как же быть?

Сяо Цичэнь замедлил шаг:

— Он женат.

В народе говорят, у чувств есть очерёдность. Если так считать, он, конечно, появился в жизни Су Яня на несколько лет раньше Ли Жун. Но семья Су Яня возлагала на него большие надежды, а он был единственным сыном. Как могли они позволить ему провести всю жизнь в его компании, не обзаведясь семьёй?

— ...К тому же я осознал это не вовремя.

Не рано и не поздно, как раз после помолвки. Любые слова теперь были бесполезны.

На западе высоко в небе сияла вечерняя звезда, яркая, словно в соперничестве с луной, но все понимали — это лишь иллюзия.

В день родов императрицы, тринадцатого числа зимнего месяца, в Цзиньлине выпал густой снег.

Сяо Ципин уже почти два года не бывал в Тайчэне, но это событие заставило его приехать. После низложения наследного принца его отношения с императрицей постепенно охладели. Они не стали отдалёнными, но и прежней близости не осталось.

Когда карета подъехала ко дворцу Минфу, Сяо Ципин услышал людские голоса. Выйдя, он в растерянности замер на месте, собираясь позвать кого-нибудь, чтобы проводили внутрь, как вдруг кто-то схватил его за руку.

Он инстинктивно дёрнулся, но человек сказал:

— Старший брат Пин, это я.

Он успокоился и услышал, как Сяо Цичэнь продолжил:

— У тебя же зрение слабое, как ты явился во дворец без сопровождения? А супруга?

— Услышал, что матушка, похоже, рожает... Я ведь всё же её сын. Хоть она и не звала меня, но по чувству долга я должен быть рядом. Цзыпэй в последние дни неважно себя чувствует, тётушка Цуйюй за ней присматривает. Подумал, что во дворце меня кто-нибудь да узнает, вот и не взял никого. Не ожидал, что здесь будет такая суета. — В конце Сяо Ципин говорил уже с некоторым усилием.

Сяо Цичэню невольно вспомнилась поговорка: «Видят лишь улыбку новой любимицы, не слышат слёз прежней». Она как нельзя лучше подходила к текущему положению. Каким бы всеобщим любимцем Сяо Ципин ни был в прошлом, сейчас его ждало лишь разочарование.

Он потянул за рукав Сяо Ципина:

— Не забивай голову. Отец всегда любил тебя, не то что меня...

Сяо Ципин не стал спорить, лишь слегка улыбнулся в его сторону. С грустью он подумал, что они с Сяо Цичэнем — не родные братья, между их семьями даже водилась старая вражда, но Сяо Цичэнь был ему ближе любого кровного родственника, куда надёжнее, чем тот маленький комочек, который ещё даже не заплакал.

Во дворце Минфу все суетились, сновали туда-сюда, и никто не обратил внимания на двух принцев в саду. Когда Сяо Янь поспешно прибыл, его сопровождала величественная наложница Ли. Она несла свою высокородную голову так, словно это одно поддерживало её превосходство.

Сяо Цичэнь поспешил подвести Сяо Ципина, чтобы поклониться:

— Приветствуем отца, приветствуем наложницу Ли.

Сяо Янь лишь на ходу кивнул, показывая, что заметил, и устремился во внутренние покои. Сяо Цичэнь остался стоять в неловкой тишине. Его свободная рука в пустом рукаве сжалась так, что кости чуть не хрустнули.

От того взгляда Сяо Яня у него внутри всё заледенело. Он так и остался стоять с Сяо Ципином

на ветру, и никто из них не проронил ни слова.

Лишь когда из покоев донёсся громкий плач младенца, Сяо Цичэнь очнулся. Он взглянул на дворец, откуда вышел придворный лекарь, весь в поту, но с сияющим лицом:

— Поздравляю Ваше Величество, родился маленький принц!

Сяо Янь воскликнул:

— Вправду? Императрица потрудилась, я непременно её щедро награжу! Ведите меня к сыну!

Кругом тут же поднялось ликование. Сяо Цичэнь почувствовал, будто провалился в ледяную бездну. Перед глазами заплескали пёстрые краски, убранство дворца Минфу зарябило, он едва устоял на ногах. Сяо Цичэнь пошатнулся и прислонился к стене, всё ещё держа Сяо Ципина за руку. Едва переведя дух, он услышал:

— Ненавидишь его?

Сяо Цичэнь тихо и ровно ответил:

— Ненавидеть младшего брата? А ты разве ненавидел меня когда-то?

Сяо Ципин хотел сказать «ты другой», но эти слова могли быть превратно истолкованы. Промолчав мгновение, он произнёс:

— Я никогда тебя не ненавидел. Даже когда узнал, что наследный принц приказал Ваньцин отравить меня, сделав калекой на всю жизнь, я не испытывал ненависти.

И, не обращая внимания на изумление Сяо Цичэня, продолжил:

— В императорской семье нет ни отцов, ни сыновей. Если братья могут жить в мире — это уже счастье. Родившись в Тайчэне, все рвутся вперёд, отстающий же выбывает. Сам виноват, что в своё время был неосторожен и слишком беспечен. Теперь, когда появился законный сын, даже если ты захочешь его задушить — это будет понятно.

Сяо Цичэнь позвал:

— Старший брат Пин...

— Но ты не должен его ненавидеть, — сказал Сяо Ципин. — Он всего лишь пешка. Когда у него появятся собственные мысли, он, как и мы, будет рабом трона и богатства. Я уже говорил тебе: стремление к выгоде и избегание вреда — человеческая натура.

Сяо Цичэнь опустил глаза и молчал. Сяо Ципин больше не стал с ним говорить, потянул за рукав:

— Пойдём. Здесь мы не нужны.

— Старший брат Пин, — вдруг остановился Сяо Цичэнь. Он произнёс это твёрдо, словно обращаясь к нему или к самому себе:

— Я не позволю этому только что родившемуся малышу вывести меня из равновесия.

Снег уже прекратился, и Тайчэн укрылся белым покровом. Под дворцовыми стенами

извилистые галереи были скользкими, белые мраморные ступени казались мягкими. Зима к югу от Янцзы не была столь суровой, чтобы вода замерзала, лишь иней в углах стен искрился, переливаясь в лучах солнца после снега и угасая в мгновение ока.

Сяо Цичэнь проводил Сяо Ципина до дворцовых ворот, где того уже ждала княжеская карета. Возница, видимо, не знал, зачем Сяо Ципин вдруг пожаловал во дворец, и радостно доложил:

— Ваше Высочество, супруга несколько дней недомогала. Сегодня утром тётушка Цуйюй позвала врача — оказалось, радостная весть! Поздравляю Ваше Высочество!

Весть пришла не вовремя. Сяо Ципин не разделил ожидаемой радости, лишь слегка улыбнулся:

— Понял.

В его улыбке впервые за долгое время мелькнула нотка насмешки. Сяо Цичэнь слишком хорошо знал этот изгиб губ: в Восточном дворце, стоило кому-то заговорить о том, что император одарил князя Чжао, как на лице Сяо Ципина появлялось именно такое выражение.

Сяо Цичэнь смотрел вслед удаляющейся карете и подумал: «Выходит, и он способен ненавидеть. Тоже не может вырваться из мирских оков».

Седьмому сыну императора в итоге дали имя Сяо Цимин — он родился на рассвете, когда на востоке сияла утренняя звезда. На первом утреннем собрании в последний месяц зимы Сяо Янь объявил об этом, а затем дал понять, что намерен назначить наследника.

Это нелепое решение, как и ожидалось, встретило сопротивление. Первым выступил старый сановник Се Кэ:

— Седьмой принц ещё слишком мал, не различает добра и зла. Лишь в будущем, после должного воспитания, можно будет судить о его добродетелях. Наследник — основа государства. Вашему Величеству следует всё тщательно обдумать, прежде чем принимать решение. Столь поспешный выбор поистине неуместен.

Чжун Ми тут же его поддержал:

— Даже низложенного наследного принца, которого все нахваливали, назначили лишь после десяти лет от роду. Седьмому принцу сейчас необходимо надлежащее попечение, а не насильное ускорение роста. Прошу Ваше Величество проявить мудрость.

Даже Ван Ди, Великий военачальник, всегда следовавший настроению императора, встал рядом с Чжун Ми и протяжно произнёс:

— Ваш слуга присоединяется к мнению.

<http://bllate.org/book/15940/1425140>